

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

УДК 1 (091)

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-3-423–433

Понимание методологии М. Бахтина в зарубежных социальных науках о человеке

Гаспарян Д.Э.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Россия, Москва, 101001, ул. Мясницкая, 20

anaid6@yandex.ru

Аннотация: В рамках современных социальных исследований о человеке (Social Studies) рецепция идей М. Бахтина представляется плодотворным полем для поиска новых решений в различных прикладных дисциплинах. Методологически разработки М. Бахтина воспринимаются в современной мировой традиции как часть дисциплинарного поля "Social Studies" в большей степени, чем "Arts and Humanities". Мы попытаемся рассмотреть, в каких наиболее значимых областях социального знания о человеке за рубежом проступает бахтинская рецепция в наши дни. Методологией исследования служат различные компаративистские подходы, реконструкция традиционных и современных контекстов и преемственности идей. Полученные результаты демонстрируют, что одной из отличительных черт западной рецепции является практика перевода бахтинской методологии из области чистой гуманитаристики в область эмпирических наук, в частности в области гендерных исследований, социальных, психологических и политических наук. Новаторский ракурс исследования позволил показать, что формирование корпуса идей Бахтина в англоязычной исследовательской среде произошло не столько благодаря комплексному рассмотрению его наследия, сколько за счёт оригинальной интерпретации выборочных сюжетов и концептуализаций бахтинской мысли с целью применения в области полевых исследований в сфере социальных наук.

Ключевые слова: бахтиноведение, диалогизм, гендерные исследования, психотерапия, социальные исследования, политические исследования

Финансирование: исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Отечественная философия XIX–XXI вв. в интеллектуальном пространстве Запада: критика, рецепция, диалог», № 19-18-00100, <https://rscf.ru/project/19-18-00100/>

Для цитирования: Гаспарян Д.Э. 2023. Понимание методологии М. Бахтина в зарубежных социальных науках о человеке. *НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права*, 48(3): 423–433. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-423–433

The Modern Reception of M.M. Bakhtin's Methodology in the Social Sciences of the Human

Diana E. Gasparyan

National Research University Higher School of Economics,
20 Myasnickaya St, Moscow 101001, Russian Federation

anaid6@yandex.ru

Abstract. Within the framework of modern social research about man (Social Studies), the reception of M. Bakhtin's ideas seems to be a fruitful field for the search for new solutions in various applied disciplines. Methodologically, M. Bakhtin's developments are perceived in the modern world tradition as part of the disciplinary field of "Social Studies" to a greater extent than "Arts and Humanities". We will

© Гаспарян Д.Э., 2023

try to consider in which of the most significant areas of social knowledge about a person abroad the Bakhtin reception appears these days. The research methodology is based on various comparative approaches, reconstruction of traditional and modern contexts and continuity of ideas. The results obtained demonstrate that one of the distinctive features of Western reception is the practice of translating the Bakhtin methodology from the field of pure humanities to the field of empirical sciences, in particular in the field of gender studies, social, psychological and political sciences. The innovative perspective of the research allowed us to show that the formation of the body of Bakhtin's ideas in the English-speaking research environment occurred not so much due to a comprehensive consideration of his legacy, as due to the original interpretation of selected plots and conceptualizations of Bakhtin's thought for the purpose of application in the field of field research in the field of social sciences.

Keywords: Bakhtinology, dialogism, Gender Studies, Psychotherapy, Social Studies, Political Studies

Funding: research was supported by the Russian Science Foundation under grant No. 19-18-00100, <https://rscf.ru/project/19-18-00100/>

For citation: Gasparyan D.E. 2023. The Modern Reception of M.M. Bakhtin's Methodology in the Social Sciences of the Human. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(3): 423–433 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-423–433

Введение

В своих трудах М. Бахтин исследовал природу языка, коммуникации и диалога, подчеркивая социальные и культурные аспекты и отвергая идею статичного и монолитного понимания смыслов. Согласно Бахтину, язык – это не замкнутая система знаков, а динамичный и развивающийся процесс, который формируется в результате социальных взаимодействий. Смысл зарождается в процессе диалога и взаимодействия между людьми и социальными группами. Введенное им понятие «диалогизм» означает взаимосвязь различных голосов, точек зрения и дискурсов в данном социальном и культурном контексте. Он считал, что все формы коммуникации по своей сути диалогичны, и что смысл возникает в результате столкновения и взаимодействия различных позиций. Такая диалогическая перспектива была призвана бросить вызов представлениям о единственном и авторитетном дискурсе, вместо этого подчеркивая множественность и разнообразие голосов в обществе.

В рамках современных социальных исследований о человеке (Social Studies) рецепция идей М. Бахтина представляется плодотворным полем для поиска новых решений как в классических дисциплинах, так и в относительно новых областях знания. В первую очередь при этом подразумевается заимствование непосредственно методологической части наследия Бахтина с последующим применением в современных и ультрасовременных областях знания. Феномен рецепции бахтинской методологии состоит в том, что из области чистой гуманитаристики она переносится западными исследователями в сферу социального знания. Методологические разработки М. Бахтина воспринимаются как часть дисциплинарного поля Social Studies в большей степени, чем Arts and Humanities.

В данной работе мы попытаемся рассмотреть, в каких наиболее значимых областях социального знания о человеке отчетливо, хотя и подчас неожиданно, проступает бахтинская рецепция.

Рецепция М. Бахтина в области психологии и психотерапии

Ближайшей сферой применения философских изысканий Михаила Бахтина в современных социальных науках является область психологии и психотерапии. Такие исследователи, как Микаэль Лейман [Leiman, 2011] предлагают использовать способ актуализации идей Бахтина в данных областях через методологические решения, предложенные Л. Выготским. Например, если рассматривать высказывания пациента и психотерапевта

как объекты исследования в ключе бахтинской теории высказывания, то можно нагляднее продемонстрировать, какой именно вид деятельности (в данном случае речевой активности) участвует в формировании базовых личностных структур. Семиотическое опосредование рассматривается в качестве объяснительного принципа, тематизирующего высказывание как инструмент взаимодействия, а также экстраполированное выражение внутриспсихических процессов. Исследователи показывают, каким образом бахтинская концепция семантической организации может быть использована при обращении к предмету психотерапевтического исследования. Понимание сознания Бахтиным как пролегающей границы между внешним и внутренним, а также опосредующей роли коммуникативных знаков позволяет точнее определить, что именно должен рассматривать психотерапевт. Зачастую предполагается, что это непосредственно сама речь пациента.

Анализ языковой практики находит применение в рассмотрении проблемы самости не только в области психотерапии, но и психологии в целом. В частности, Микаэль Лейман [Leiman, 2011, p. 16] обращает внимание на различие, которое Бахтин проводит между авторитетным и карнавальным диалогом как формирующими силами сознания и способами самопознания. Он рассматривает взгляды Бахтина в отношении воплощенного авторства и коммуникации как участия в языковых сообществах (речевых жанрах), будучи направляем интересом сохранить постмодернистский акцент на мультикультурализме и избежать возврата к эссенциалистским концепциям самости. Главным недостатком эссенциалистских теорий личности, по мнению авторов сходной направленности, является утрата контингентности непосредственно индивидуального аспекта личности. Индивидуальность, по их мнению, должна вырабатываться эмпирическим контекстом, который в свою очередь связан с непредсказуемостью ответа на призыв «другого». Такое толкование «интерсубъективности» заметно отклоняется от феноменологических разработок, в которых взаимодействие сознаний должно отсылать к трансцендентальным структурам ранее понятого, достигнутого в совместности. Согласно такой позиции начало коммуникации никогда не находится в самой коммуникации. Однако у тех авторов, которые интерпретируют наследие Бахтина в качестве методологического основания теории индивидуальности «Я», речь идет не столько о феноменологически-трансцендентальном, сколько об эмпирическом происхождении личностного начала. По мнению авторов, психотерапевтические исследования представляют собой еще один контекст, который с особого ракурса высвечивает определенный аспект мысли Бахтина, такой как теория высказывания. Карнавальность и полифония не являются теоретически преобладающими отправными точками для психотерапевтических исследований, однако вопрос о том, как внутриспсихические процессы представлены в коммуникации, служит отправной точкой в психотерапевтических исследованиях.

В свою очередь такие авторы, как М. Дж. Ларраби, С. Вейн и П. Вулкотт [Larrabee, et al., 2003] приходят к выводу, что, поскольку психотерапия представляет собой особое поле для изучения семиотической, референциальной природы коммуникации и объектно-ориентированной деятельности, по мере того, как они материализуются в совместном рефлексивном действии пациентов и терапевтов, ограничения этой сферы показывают, что концепции знаков ни Выготского, ни Бахтина в том виде, в каком они были первоначально сформулированы, не могут быть непосредственно перенесены на изучение высказываний и семиотической природы психических процессов. Вместе с тем нельзя исключать их влияние на более общие исследования сознания, личности и социального взаимодействия. Указанные авторы утверждают, что как в случае описательного, так и в случае объяснительного исследований, в которых рассматриваются различные нарративы, связанные с травмой, необходимо исследование, в котором не просто указывается, при каких обстоятельствах происходит нарратив, но также затрагиваются более глубокие теоретические проблемы травмы и нарратива [Larrabee, et al., 2003]. Для этой цели авторы считают целесообразным использовать работы Михаила Бахтина в качестве концептуальной базы, объ-

диалогизма Бахтина [Mehl-Madrona, Pennycook, 2009, с. 88]. В первую очередь это становится возможным благодаря тому, что в теории Бахтина «диалогически структурированный разум подтверждает перспективу того, что разум существует между людьми» [Mehl-Madrona, Pennycook, 2009, с. 96]. Речь идет о том, что рациональность формируется в процессе коммуникации и никогда не предшествует ей. Подобная модель хорошо согласуется с теориями, в которых индивидуальное не только оказывается опосредованным коллективным (подобное положение является общим местом и в большинстве структуралистских и постструктуралистских теорий), но и лежит в области какой-то эмпирической практики, внешней и свободной от априорного измерения, что в качестве тезиса, как правило, свойственно социальным наукам, опирающимся на предпосылки натурализма. Сходство рассматриваемых рецепций Бахтина с натуралистскими и позитивистскими подходами заключается также в том, что в обоих случаях большое внимание уделяется внешним условиям.

В отличие от индивидуалистических теорий, опирающихся в той или иной мере на замкнутого на себе картезианского субъекта, современные интерпретации диалогической теории Бахтина выводят субъекта из среды обитания, которую в данном случае интерпретируют как коммуникацию.

Вместе с тем в ряде мест данные подходы могут прочитываться и вполне «канонически», если иметь в виду классику бахтинской теории. Теории же названных выше авторов учитывают в первую очередь отношения одних «субъектов» с другими и саму первичность отношений, равно как инаковость одних перед другими. Авторы работ [Mehl-Madrona, Pennycook, 2009] берут за отправную точку тезис о том, что для Бахтина разум изначально устроен диалогически, то есть включает соотносительность с другими индивидами. Сегодня проводятся различные полевые исследования, призванные предъявить не теоретическую, но практическую верификацию заглавного тезиса. В указанном исследовании это достигается посредством указания на тот факт, что опрашиваемые исследователями старейшины аборигенов согласились с тезисом о том, что «человек общается не потому, что у него есть внутренние мысли, но, напротив, у него есть внутренние мысли, потому что он общается» [Mehl-Madrona, Pennycook, 2009, с. 96].

Таким образом, в области психологических или психотерапевтических вариантов рецепции наследия Бахтина по-прежнему заимствуется главным образом методология, а также выстраиваются различные способы полевых верификаций, которые подтверждали бы верность теоретических гипотез на непосредственной эмпирической практике.

Рецепция М. Бахтина в теориях гендера (Gender studies)

Что касается рецепции в области гендерных исследований, то речь здесь идет в первую очередь о заимствовании тех идей, которые могут вступить в перекличку с темой так называемой бинарности в современных гендерных исследованиях. Бэки Фрэнсис и Кэрри Пэхтер отмечают большой потенциал текстов М. Бахтина для переосмысления концепции гендера [Francis, Paechter, 2015]. В особенности это касается поиска способов решения проблемы бинарности между индивидуальной агентностью и детерминизмом социального контекста, а также рассмотрения вопросов, касающихся ограничений чисто дискурсивного анализа при учете влияния материального и телесного. Осмысление и подход, предложенные Бахтиным, представляются наиболее убедительными и эмпирически продуктивными для аналитических исследований социального.

Ряд исследователей [Creaton, 2015] используют работы М. Бахтина в качестве общей теоретической базы, а именно для аргументации смещения от монологического подхода, отдающего предпочтение единственному авторитетному голосу нарратора, в сторону диалогического подхода, учитывающего множественные дискурсы и голоса. Практической иллюстрацией такого подхода может служить «двухсторонняя связь» как противоположность «обратной связи» по поводу различных авторских позиций, что позволяет сделать

содержание отдельного нарратива открытым для более широкого ряда внешних интересов и влияний. И это один из важнейших шагов, посредством которых подход к исследованиям может быть смещен от теоретических к более прикладным экстраполируемым в различные области знания основаниям.

Этот подход очень важен для области изучения гендера, поскольку демонстрирует различные структурные условия его формирования, а именно его происхождение как эпифеноменальное и возникающее на основе глубинных имплицитных взаимосвязей. Некоторые авторы (например, Джессика Н. Эллис [Ellis, 2020]), занимающиеся разработкой темы психики и гендера с точки зрения множественности, пытаются сочетать теорию Бахтина с концепцией Ж. Лакана. В частности, Люс Иригарей [Irigaray, 2017] показывает, каким образом язык и мышление определяют не только человеческий гендер, но и все глубинные структуры психики, имеющие по сути «экстракорпоральное» происхождение. В своих текстах они отстаивают тезис о том, что предлагаемая ими модель психики, отличающаяся от общепринятой, позволяет отказаться от оптики индивидуального и рассматривает гендерную идентичность скорее как множественность или коллективность. Для этих исследователей Бахтин и его теория диалогизма не являются центральной темой исследования, но при этом Бахтин выступает ключевым референтом для отстаивания главного тезиса: рассмотрения гендера через оптику активности другого, будь то социальный порядок, язык или политическая власть. В рамках данных исследований общий посыл касается психической структуры, представленной в качестве децентрированной множественности. В первую очередь, данный тезис направлен против традиционной категории гендерной идентичности, о которой большинство гендерных исследователей отзывается как об иллюзии.

При сопоставлении психики и гендера исследователи в первую очередь тематизируют гендер как таковой. Согласно ключевым определениям, это некоторая идентичность или набор черт, которые индивид приписывает себе и с которыми себя идентифицирует. Но гендер, в отличие от половой идентичности, имеет зависимость от социальной части психики и психического. В связи с этим, прежде чем приступить к анализу понятия гендера, имеет смысл провести предварительное исследование, посвященное понятию психики как индивидуального или коллективного [Irigaray, 2017]. Именно этой задаче посвящена большая часть работ гендерных исследователей.

Первое, что предпринимается у пропонентов гендерной оптики, это критика картезианского субъекта и свойственной ему субстанциальной индивидуальности. Как ни странно, но представление о классическом субъекте, согласно теоретику гендера, составляет основу именно теорий половой идентичности. Философские теории, в которых речь идет о капсулированном и герметичном субъекте, наилучшим образом обрамляют теорию врожденной половой идентичности. Данное положение представляется нам довольно спорным, поскольку представление о картезианском субъекте можно рассматривать как принципиально нетождественное любым вещным характеристикам, к каковым должны относиться любые атрибуты телесности. Пол, как и прочие проявления телесности, есть нечто акцидентальное, в терминах классической философии декартовской эпохи, а не субстанциальное. Напротив, когитальность мыслящего «Я» есть единственно существенное для «Я», и, разумеется, это конструкция должна быть «бесполой». Любопытно, однако, что эти рассуждения как будто бы остаются незамеченными многими теоретиками гендера, которые продолжают настаивать на том, что полу и половой идентичности соответствует субстанциальное толкование «Я».

По-видимому, для теоретиков гендера существенно в этом рассуждении непосредственно самотождественный и априорно-врожденный (не приобретенный, а значит не динамично-трансформируемый), т. е. по сути заданный «природой» и не подлежащий изменениям характер классического когито. Важным в данном истолковании оказывается не то, что метафизический субъект должен быть лишен пола, а то, что идею пола гораздо

легче фундировать тезисом о неизменности, врожденности и данности от века (человеческой природы), чем тезисом о его эпифанальности и производности от чего-то внешнего. Кроме того, атомизированный субъект подразумевает бинарность гендера и не способен выйти за эти рамки. Это позволяет поставить вопрос о проблеме «Я» и «самости» как таковых в терминах объектности: само обладание идентичностью приравнивается к обладанию объектом. Данные сюжеты часто активно рассматриваются на базе широко обсуждаемых в антикартезианских философиях 20-го века, концептах, как «стадия зеркала» Жака Лакана, интерпелляция Л. Альтюссера и пр.

Отказ от картезианских сюжетов и примыкание к деконструирующим субъекта трактовкам, не говоря уже о задействовании темы Другого, реактуализирует тему множественности, в данном случае идентичностей и воплощений человеческой природы. Если «субъект» и его сознание не представляет собой индивидуальную и атомарную сущность, то половая идентичность, как и любая другая, вначале разыгрывается где-то вовне, прежде, чем быть интериоризованной или инсталлированной на каких-то случайных основаниях. Как раз в рамках этих рассуждений размещается дискурс о методологии бахтинской философии. Иногда это обращение довольно неожиданно. Такие авторы, как Джессика Эллис [Ellis, 2020], обращаются к феномену трансцендированной половой идентичности субъекта как, к примеру, искомой множественности. Они используют теорию транснаративов для того, чтобы показать языковые нарративы в коммуникации с другими людьми, а также то, как они со-конституируют тело вместе с психикой. И именно этот пример позволяет им обратиться к теории диалогизма Бахтина для своей аргументации. Согласно данной рецепции можно продемонстрировать механизм «мультиконституирования» психики.

Переход от рассмотрения врожденных черт субъективности к понятиям гендера и гендерной идентичности переопределяет представление о «субъекте». Теперь основанием для гендера выступает отнюдь не индивидуальный субъект как непосредственно данная самость, а множественность, формируемая в столкновении с Другим в языке.

В чем состоит ценность теории Бахтина и его диалогизма для исследований указанных авторов? В первую очередь, они обращаются к бахтинскому противопоставлению романа и эпоса. Эпос – древний жанр, герой которого, как в шахматной игре, имеет одну и ту же функцию на протяжении траектории развития сюжета, тогда как роман, с одной стороны, находится в становлении сам как жанр, с другой, – его герой так же не является статичным, но меняет свою идентичность за время течения действия. В то же время, говоря о гендере, современные исследователи опираются на Бахтина для того, чтобы при помощи его диалогической теории объединить сознание, язык и мышление в модель психики, которая бы представала в качестве множественности. Вновь идентичность становится зависимой от встречи с другими, культурой и социальными институтами, но в этот раз это напрямую сказывается на формировании гендера.

Рецепция бахтинской мысли в области социальных и политических исследований

Наиболее традиционным примером рецепции бахтинского наследия является применение его к области социальной и политической мысли. Данная тенденция является не столь ультрасовременной, как представленные выше формы рецепции. Однако в наши дни можно предпринять перепрочтение сложившихся в прошлом практик применения бахтинской методологии в области социально-политического знания. Так, например, Майкл Гардинер и Майкл Майерфельд Белл в самом начале книги "Bakhtin and the Human Sciences: No Last Words" [Bell, Gardiner, 1998] совершенно справедливо называют Михаила Бахтина социальным философом. В данной работе авторы стремятся продемонстрировать читателю, каким образом многогранная мысль Бахтина может внести вклад в развитие социальных наук. С особой внимательностью авторы обращаются к таким темам мысли Бахтина,

как диалог, карнавал, этика и повседневность, проводя при этом параллели между идеями самого Бахтина и других важных исследователей в области социологии. Несмотря на то, что Бахтин известен в первую очередь благодаря этим понятиям, авторы отмечают, что переведенные на английский язык работы Бахтина, такие как "Art and Answerability: Early Philosophical Essays" (1990) и "Toward a Philosophy of the Act" (1993), открыли для англоговорящих исследователей Бахтина не только как литературного критика и филолога, чьи наработки используются в social studies, но и как самостоятельного социального теоретика.

Авторы называют несколько причин, по которым Бахтин может быть интересным для социальных наук. Во-первых, Бахтин предвосхитил многие интеллектуальные стратегии постструктуралистской и постмодернистской философии конца 20-го века в ее критике западной науки и рациональности. Во-вторых, истоки лингвистического поворота, который претерпели в том или ином виде как континентальная, так и аналитическая философия, зарождались при непосредственном участии Бахтина как одного из самых видных исследователей социальной природы языка и языковой природы социума. Наконец, в-третьих, отдавая предпочтение изучению отношений, а не изолированным субъектам-субстанциям, Бахтин соответствует тенденции по переосмыслению субъекта как производного образования от подвижной констелляции различных практик.

Наряду с этими наблюдениями, ряд современных исследований отчетливо демонстрируют возможность продуктивного применения философских разработок М. Бахтина к решению различных проблем в области политических наук. Например, такие авторы, как Майкл Бернард-Доналс [Bernard-Donals, 1995a], прослеживают эволюцию развития рецепции идей Бахтина в различных ее этапах, а именно от предложенного Бахтиным философского понимания языка к вопросу о применимости его теории к социальным реалиям. В рамках концепции языка возможно выстроить если не полноценную рабочую политическую теорию, то, по крайней мере, некоторое направление, заданное бахтинскими разработками. Чаще всего исследователи актуализируют следующие наиболее влиятельные политические и социальные рецепции идей Бахтина на Западе: феминизм, гуманизм, постколониальные исследования. Каждая из этих тем отмечена особой повесткой, представляя собой один из вариантов политически ангажированной переоценки бахтинского языка философии. Для области гуманитарного знания (Arts and Humanities) такое прочтение является несколько непривычным, однако оно вполне успешно востребовано в области Social Studies.

Хотя, как мы сказали, на основе большинства рецепций, ввиду их некоторой амбивалентности, создание полновесных политических теорий вряд ли возможно, тексты Бахтина могут быть переоценены на предмет наличия в них потенциала создания полноценной политической программы. Для этого они предлагают новые интерпретации, «упущений и недосказанностей» Бахтина, как свидетельства зашифрованной в его трудах продуманной, но в силу определенных обстоятельств не выраженной социальной и политической программы. Надо отметить, что исследователи, которые предлагают такое видение, чаще всего специально не занимаются исследованиями восточно-европейской культуры (Slavic Studies) и недостаточно ясно представляют масштабы «эзотерического» письма, свойственного интеллектуалам, в особенности гуманитарной направленности. Между тем, позиция, к примеру, Бернард-Доналса состоит в том, что эти пробелы могут быть не столько симптомами недосказанности в мысли Бахтина, сколько свидетельством трудностей в формулировании прогрессивной теории социальных изменений через изучение дискурса. Данные трудности между тем не сводят возможность создания подобной теории к ничтожности. Напротив, данная трудность делает разработку проблемы того, каким образом человеческий дискурс влияет на материальные изменения в мире, куда более востребованной. Для этого, по мнению автора, необходимо, чтобы так называемая индустрия рецепции Бахтина двигалась в направлении изучения тезисов и суждений российского мыслителя не только в виде дескрипции или аналитического переложения, но и в качестве последующего за этим анализом, действия. Это позволит увидеть истинное значение того

или иного положения, задуманного в своей основе как действие, т. е. в пределе политического сообщения [Bernard-Donals, 1995a].

Другие авторы, в частности Иан Родерик [Roderick, 1995], отмечают, что знакомство с текстами Бахтина приводит не только к общепринятым рассуждениям о языке или формах культуры, но и о месте власти в процессе коммуникации. Для разработки этого вопроса Иан Родерик обращается к сформулированному «канону карнавального тела», который Бахтин рассматривал как наиболее подходящую форму реализации диалога в социальных отношениях [Roderick, 1995].

Предлагается попытка переосмысления тела, а именно его «временное пространство», которое вводится через переоценку бахтинской теории карнавала в виде следующих четырех тем: «завершенность времени, подчинение частного публичному, универсальность тела и метафора социального рождения». Среди всех переведенных трудов Бахтина Иан Родерик особенно выделяет книгу «Рабле и его мир», в которой, по его мнению, Бахтин наиболее внимательным образом рассматривает тему социальной организации тел в рамках институтов, будь то литература или социальные отношения. При этом автор статьи также оговаривается, что проблема власти и тела в диалогических отношениях присутствует и в других работах Бахтина, однако лишь вскользь. В итоге Иан Родерик приходит к критическим выводам о том, что универсальный хронотоп, описанный Бахтиным, не является удовлетворительным завершением проекта по социальному конструированию пространства, в котором субъекты могли бы встречаться и вести свободный, откровенный и непринужденный диалог. Сингулярность общества и его времени и пространства, которую предлагает Бахтин, по мнению автора, недостаточна для формирования этики инаковости. Пытаясь отстоять пространство, в котором возможна свобода, Бахтин предлагает опираться на концепцию универсального пространства. Однако, как замечает Родерик, такое пространство – это пространство, в котором будут невозможны различия. Очевидно, что в таком универсальном измерении речь всегда будет идти об «универсальном» субъекте, которому будет закрыт доступ к проявлению и раскрытию истинной уникальности и специфики своего опыта. Таким образом, проблема индивидуации в процессе социального взаимодействия до сих пор не теряет своей актуальности.

Более ранняя попытка прочтения Бахтина в качестве политического мыслителя была предпринята в книге Майкла Бернар-Доналса «Михаил Бахтин: между феноменологией и марксизмом» [Bernard-Donals, 1995b], в которой автор всесторонне исследует различные итерации феноменологической и материалистической теории. В данном исследовании такие известные фигуры, как Яусс, Фиш, Рорти, Альтюссер и Пешо, оказываются в одном ряду с Бахтиным и его трудами. Через это сопоставление Бернар-Доналс предлагает контекстуализированное рассмотрение вклада Бахтина в политизированное философствование в частности и гуманитарное знание в целом.

С точки зрения «политического прочтения» теория языка Бахтина не поддается ограничению такими устоявшимися рамками, как «диалогизм», «прозаика» или «авторство», поскольку в самой основе его творчества лежит неоднозначное взаимоотношение феноменологии и марксизма. Глубокие политические интуиции, присущие творчеству Бахтина, часто игнорировались или недооценивались отчасти из-за их сходства со сложностями, возникающими в более идеологически окрашенных течениях, например, марксизме, структурализме, постструктурализме и т.д. В свою очередь, теоретики, подобные Бернар-Доналсу, настаивают на более глубоком понимании творчества Бахтина с точки зрения ее идеологической проблемности. Данные подходы предлагают новые взгляды на контуры современной рецепции, как политически ангажированной.

Подобную позицию можно встретить и у других авторов, занимавшихся рецепцией Бахтина в конце прошлого столетия. Они обращаются к теме диалогичности в работах Михаила Бахтина в качестве своеобразного ключа к пониманию не столько социального, сколько политического взаимодействия. Согласно Бахтину, диалог является неотъемлемой частью человеческого бытия, и все заканчивается, когда диалог прекращается. Таким

образом, некоторые авторы видят цель бахтинской «политики» в том, чтобы сформировать и определить человека через взаимодействие политических интересов и образовать на этой основе своеобразный вариант конституции, согласующий, но не объединяющий различные политические повестки. Так, по мнению Хва Йол Чжона, Бахтин продолжает традицию, начатую открытием Фейербаха важности межличностных отношений в социальной мысли [Jung, 1990]. Поскольку для Бахтина диалогический принцип является принципиальной основой бытия человека, то человеческая реальность невозможна вне социально-политических отношений.

Согласно классическому прочтению Бахтина, субъективность не только не подавляется социальным, но и, более того, даже не имеет возможности возникнуть без социального. Соответственно, не существует свободы самости без пространства межсубъективной коммуникации. Бахтин в принципе определяет субъективность как функцию социального. Между тем, было бы ошибочно полагать, что такая субъективность является пассивной и пластично подвергается любым манипуляциям окружающего ее социального пространства. Концепция диалогизма, сформулированная Бахтиным, не делает преимущества ни в сторону индивидуализма, ни в сторону социализма. Напротив, он старается избежать ложных дуалистических упрощений, поскольку индивидуализм и социализм в равной степени не способны на релевантную передачу смысла идеи диалогичности [Jung, 1990]. В политическом смысле карнавальная концепция диалога Бахтина – это попытка сконструировать особое кооперирующее пространство диалога, в котором достигается одномоментность и «равноисходность» взаимной потребности. Равно возникающие в процессе коммуникации смыслы никогда не будут окончательными, а, напротив, будут переосмысляться и дополняться в процессе каждого последующего диалога. Поэтому диалогическая концепция Бахтина несет на себе прежде всего этический и в этом смысле политический задел. С ее помощью философ стремился преодолеть ложную теоретичность коммуникации и диалога, придав им статус деятельной активности, «поступка». Любое высказывание по своей природе уже всегда этично, а значит, политически производительно.

Таким образом, как полагают политические философы, читающие Бахтина сегодня, его диалогическая концепция может быть плодотворно применена к разработке современных подходов и позиций в области политологии, в том числе абсолютной практической, то есть здесь и сейчас продуктивной [Jung, 1990].

Заклучение

Были рассмотрены некоторые современные тенденции западного бахтиноведения, в частности своеобразие непосредственно англоязычной рецепции творчества М.М. Бахтина. Одной из отличительных черт западной рецепции стала практика перевода бахтинской методологии из области чистой гуманитаристики в область эмпирических наук, в частности дисциплинарной трансформации из Arts & Humanities в Social Studies. Чистая рецепция методологии бахтинского наследия получила развитие в психологии и социологии, в частности в области гендерных исследований. Мы также добавили рассмотрение бахтинской методологии в ракурсе политических наук. При этом одной из важных отличительных черт интерпретации теории Бахтина в иноязычных исследованиях является их фрагментарная избирательно-точечная интерпретация. Это выражается в том, что зарубежным автором для построения собственной теории, как правило, избирается одно «бахтинское» понятие и оно ложится в основу для последующей эмпирической верификации.

Не менее распространенной исследовательской практикой является выстраивание разветвленных цепочек, сформированных на основе внутридисциплинарных интерпретаций, которые довольно далеко уходят от оригинала и образуют свою уникальную и плодотворную библиотеку применения бахтинских концептов.

Таким образом, формирование корпуса идей Бахтина в англоязычной исследовательской среде произошло не столько благодаря комплексному рассмотрению его теории, сколько за счет выборочной интерпретации и адаптации его наработок для подведения

теорий к полевым исследованиям в области социальных наук. Одной из характерных особенностей западного бахтиноведения выступает прикладной запрос на концептуальное наследие мыслителя, а также то, что авторы, опирающиеся на каркас бахтинских концептов, шли от своего собственного по большей части практико- и проблемно-ориентированного интереса.

Таким образом, особый интерес связан с тем, что за последние 10–20 лет идеи и подходы М. Бахтина оказались особенно емкими и продуктивными для исследований, использующих эмпирический материал, включая полевые исследования, а подчас и количественные данные.

References

- Bell M., Gardiner M.E. 1998. Bakhtin and the human sciences: No last words. London, Publ. SAGE, 235 p.
- Bernard-Donals M. 1995a. Bakhtin and social change, or Why no one's Bakhtin is politically revolutionary (A history play in four acts). *The Centennial Review*, 39(3): 429–444.
- Bernard-Donals M.F. 1995b. Mikhail Bakhtin: Between phenomenology and Marxism. Cambridge University Press, 187 p.
- Creaton J. 2015. Marking the boundaries: Knowledge and identity in professional doctorates. Fort Collins, Colorado. Publ. The WAC Clearinghouse and Parlor Press. DOI: [10.37514/PER-B.2015.0674.2.16](https://doi.org/10.37514/PER-B.2015.0674.2.16)
- Ellis J.N. 2020. The Psyche and Gender as a Multiplicity. Electronic Thesis and Dissertation Repository. 6976. URL: <https://ir.lib.uwo.ca/etd/6976> (Accessed: July 15, 2023).
- Francis B., Paechter C. 2015. The problem of gender categorisation: addressing dilemmas past and present in gender and education research. *Gender and Education*, 27: 1–15. DOI: [10.1080/09540253.2015.1092503](https://doi.org/10.1080/09540253.2015.1092503)
- Jung H.Y. 1990. Mikhail Bakhtin's body politic: A phenomenological dialogics. *Man and World*, 23: 85–99.
- Irigaray L. To Be Two. London: Taylor and Francis, 2017. DOI: [10.4324/9781315084732](https://doi.org/10.4324/9781315084732)
- Larrabee M., Weine S., Woolcott P. 2003. "The wordless nothing": Narratives of trauma and extremity. *Human Studies*, 26: 353–382.
- Leiman M. 2011. Mikhail Bakhtin's contribution to psychotherapy research. *Culture & Psychology*, 17: 441–461. DOI: [10.1177/1354067X11418543](https://doi.org/10.1177/1354067X11418543)
- Mehl-Madrona L., Pennycook G. 2009. Construction of an aboriginal theory of mind and mental health. *Anthropology of Consciousness*, 20: 85–100. DOI: [10.1111/j.1556-3537.2009.01017.x](https://doi.org/10.1111/j.1556-3537.2009.01017.x)
- Roderick I. 1995. The politics of Mikhail M. Bakhtin's carni-phallic body. *Social Semiotics*, 5(1): 119–142. DOI: [10.1080/10350339509384444](https://doi.org/10.1080/10350339509384444)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 02.04.2022

Поступила после рецензирования 02.05.2022

Принята к публикации 01.05.2023

Received April 2, 2022

Revised May 2, 2022

Accepted May 01, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гаспарян Диана Эдиковна, профессор, главный научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Diana E. Gasparyan, Professor, Chief Researcher, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.